
**ЭКСКЛЮЗИВНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
КНИГА**

АЛЕКСЕЙ НОВИКОВ-ПРИБОЙ

ЦУСИМА

Ленинград
издательский дом
2026

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
Н73

Серия «Эксклюзивная историческая книга»

Иллюстрация на обложке
Бориса Аджиева

*Выпуск произведения без разрешения издательства считается
противоправным и преследуется по закону*

Новиков-Прибой, Алексей Силыч

Н73 Цусима : сборник / Алексей Новиков-Прибой. — Москва:
Издательство АСТ, Издательский дом «Ленинград», 2026. —
864 с. — (Эксклюзивная историческая книга).

ISBN 978-5-17-189323-1

Алексей Новиков-Прибой сам прошел через Цусиму — он служил на броненосце «Орел» и оказался в эпицентре событий. Спустя годы он взялся за труд, которому не было аналогов: собрал показания десятков выживших матросов и офицеров и восстановил историю гибели Второй Тихоокеанской эскадры день за днем.

Все начинается с «Похода» — долгого, изнурительного пути из Балтийского моря к Японскому, где еще до первого выстрела нарастают противоречия между командованием и командой, копятся усталость и тревога. Технические неполадки, сомнительные тактические решения, слухи и догадки — эскадра идет навстречу неизвестности, и напряжение с каждой главой только растет.

Вторая часть — «Бой» — это кульминация. 14 мая 1905 года. Первый залп, хаос, пожар на кораблях, приказы, которые не успевают выполнить, и люди, каждый из которых по-своему встречает свой последний час. Автор показывает сражение не с командного мостика, а изнутри — глазами тех, кто оказался в воде, у орудий и в тонущих отсеках.

Останется ли хоть кто-то в живых? И можно ли было избежать этой катастрофы? Ответы — в книге, где факты звучат громче вымысла.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-189323-1

© Алексей Новиков-Прибой, 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

В истории человечества, с тех пор как стали появляться на свете военные корабли, немало было морских сражений. Но только три из них могут быть по своим грандиозным размерам и результатам сравнимы с Цусимским. Первое, так называемое Саламинское сражение относится к далекой древности, к 480 году до нашей эры. Противники встретились в Саламинской бухте, около Пирея и Афин. Небольшой греческий флот под руководством Фемистокла уничтожил громадный персидский флот царя Ксеркса. Вторая морская битва произошла в Средних веках, в 1571 году, при Лепанто, в Адриатическом море. Соединенный флот христианских государств под начальством дон Жуана Австрийского вдребезги разбил корабли сарацин и египтян. Третье подобное событие произошло в более позднюю эпоху, в 1805 году, около Гибралтарского пролива, у мыса Трафальгар. Здесь знаменитый адмирал Нельсон, оставшийся от предыдущих боев с одним глазом и одной рукой, командуя английским флотом, одержал блестящую победу над соединенным франко-испанским флотом, находившимся под начальством адмиралов Вильнева и Гравина. Нельсон погиб, но союзники потеряли при этом адмирала Гравина, девятнадцать кораблей и почти весь личный состав.

Четвертое сражение имело место в дальневосточных водах, при острове Цусима, во время русско-японской войны, а именно 14/27 мая 1905 года. Оно также принадлежит к величайшим мировым событиям. Но об этом будет речь впереди, а пока я расскажу, на основании какого материала построено это произведение и почему возникло оно спустя двадцать пять лет после сражения.

В этом бою, исключительном по своей драматической насыщенности, я сам принимал участие, находясь в качестве матроса на броненосце «Орел». Неприятельские снаряды пощадили меня, и я попал в плен. Несколько дней мы пробыли в бараках одного японского порта, потом нас перевезли на южный остров Киу-Сиу, в город Кумамота.

Здесь в лагерь, расположенный на окраине города, мы были водворены на долгое время — до возвращения в Россию.

Я хорошо понимал всю важность события, происшедшего при Цусиме, и немедленно принялся заносить свои личные впечатления о своем корабле на бумагу. Потом начал собирать материал о всей нашей эскадре. Но одному человеку справиться с такой огромной задачей было невозможно. Я организовал вокруг себя человек пятнадцать наиболее развитых матросов, близких своих товарищей. Они с увлечением начали помогать мне. Большим удобством для нас являлось то, что в этом лагере были сосредоточены команды почти со всех судов, принимавших участие в Цусимском бою. Приступая к описанию какого-нибудь корабля, мы прежде всего интересовались, как была организована служба на нем, какие взаимоотношения сложились между офицерами и нижними чинами, а потом уже собирали сведения о роли этого корабля в бою. Уже тогда многие боевые суда настолько были сложны и громадны, что люди одного отделений не всегда могли знать, что творится в другом. Поэтому нам пришлось, задавая участникам боя вопросы, расследовать каждую часть корабля отдельно. Что, например, происходило, начиная с утра 14 мая и до окончательной развязки в боевой рубке, в башне такой-то, в каземате таком-то, в батареейной палубе, в минном отделении, в машине, кочегарке в операционном пункте? Кто и что при этом говорил? Какие распоряжения исходили от начальства и как они исполнялись? Какова наружность отдельных личностей, их привычки и характер. Как некоторым представлялся бой, наблюдаемый с описываемого нами корабля? И так далее, вплоть до незначительных мелочей.

Матросы охотно и откровенно рассказывали нам обо всем, ибо перед ними были такие же товарищи, как и они, а не официальная комиссия, составленная, как это было впоследствии, из

адмиралов и офицеров при Главном морском штабе. Если кто-либо из опрашиваемых говорил неверно, то сейчас же другие участники боя вносили поправки. А потом некоторые матросы начали сами приносить мне свои тетради с описанием какого-нибудь отдельного эпизода. Таким образом, через несколько месяцев у меня собрался целый чемодан рукописей о Цусиме. Этот материал представлял собою чрезвычайную ценность. Можно смело утверждать, что ни об одном морском сражении не было собрано столько сведений, сколько у нас о Цусиме. Изучая подобный материал, я имел ясное представление о каждом корабле, как будто лично присутствовал на нем во время схватки с японцами, нужно ли добавлять, что наши записи не были похожи на официальные описания этого знаменитого сражения.

Но случилось так, что наша работа погибла, погибла самым нелепым образом.

Об этом, несколько торжествуя, повествует артиллерийский офицер с броненосца «Ушаков», лейтенант Н. Дмитриев, в своих воспоминаниях «В плену у японцев», помещенных в журнале «Море» за 1908 год, № 2. Правда, сам он находился в городе Сендае и поэтому не мог знать, что у нас случилось, но он приводит письма, полученные от своих нижних чинов из Кумамота. В одном из таких писем унтер-офицер Филиппов говорит:

«Люди из числа команды «Орла», «Бедового» и других сдавшихся кораблей стараются здесь возмутить пленных и нашли себе ярых сообщников и при помощи их стали распространять книги политического содержания и газеты с ложными слухами о России, а всего более стараются посеять вражду у команды к своим офицерам. К счастью, из числа пленных нашлись люди более благоразумные и предупредили их вовремя, не дав распространиться этому злу.

9/22 ноября команда, выведенная из терпения их поступками, избила их агитаторов. Двое из них едва ли останутся живы, остальных же забрали японцы. Все их книги и записки предали огню, а также и машинку печатную обратили в лом» .

Другой матрос начинает свое письмо со слов: «Всемилютейшему государю моего благородию», а потом рассказывает о разных делах революционеров.

«Хотя они и делали это тайно, — пишет дальше матрос, — но скоро это стало явным.

8 ноября приходил к нам армейский офицер известить, что начали отправлять пленных во Владивосток и что там сделали бунт.

Он просил нас, чтобы мы, когда будем отправляться, вели себя степенно и не бунтовали.

В то же время эти же самые политические развратители кричали: «Бей его, бей!»

Тогда офицер видит, что делают беспорядки, и ушел, но в это время, когда они кричали, то некоторые матросы записали этих бунтовщиков.

На другой день, 9 ноября, вся команда, которая не желает, чтобы враги нашего дорогого отечества срамили его, то команда подняла на них бунт, чтобы истребить всех людей, которые против государя и правительства среди нас, пленных, собрались.

Мы сошлись возле канцелярии и возле барака, где находились эти развратные люди, и когда мы стали просить у них разные политические книги и списки, то они вооружились ножами и дерзко поступали с командой».

Дальше в этом льстивом письме упоминается, как пленные сожгли мои «книги и записки».

А теперь я от себя расскажу, как было дело.

В Японию, когда там скопилось много наших пленных, прибыл доктор Руссель, президент Гавайских островов, а в прошлом — давнишний русский политический эмигрант. Он начал издавать для пленных журнал «Япония и Россия», на страницах которого я тоже иногда печатал маленькие заметки. С первых номеров, по тактическим соображениям, журнал был весьма умеренный, но потом постепенно становился все революционнее. Помимо того, доктор Руссель занялся распространением среди пленных нелегальной литературы. В Кумамота литература эта получалась на мое имя. Ко мне приходили люди со всех барачков, брали брошюры и газеты. Сухопутные части читали их с оглядкой, все еще побаиваясь будущей кары, матросы были смелее.

Это проникновение революционных идей в широкие военные массы встревожило некоторых офицеров, проживавших

в другом кумамотском лагере. Они начали распространять разные слухи среди пленных нижних чинов, говоря: все, кто читает нецензурные газеты и книжки, переписаны; по возвращении в Россию их будут вешать.

Наступила осень. В августе Россия заключила мир с Японией, но нас на родину не отправляли. Это обстоятельство очень волновало пленных.

Однажды вечером, 8/21 ноября, к нам в лагере пришли два офицера: армейский штабс-капитан и казачий есаул. Они завели беседу с нижними чинами. Вокруг канцелярии собрались сотни две солдат и несколько десятков матросов. Оба офицера стояли на крыльце, настороженно оглядывая публику. Больше разговаривал казачий есаул. Пожилой человек с проседью в густой бороде. Он расспрашивал, как у нас проходит жизнь. Кто-то, обращаясь к нему, осведомился:

— А правда, ваше высокоблагородие, что в России теперь свобода объявлена?

Есаул насильно улыбнулся и сказал:

— А для чего вам свобода нужна? Матерно вы всегда могли свободно ругаться.

Тут же другой солдат, сорокалетний уса́тый мужчина из запасных, задал давно наболевший вопрос:

— Ваше высокоблагородие, почему нас на родину не отправляют? Мир давно заключен, а мы все здесь прозябаем.

В ожидании ответа все притихли.

Есаул, продолжая улыбаться, промолвил:

— Вот вам чего захотелось — на родину попасть. Не увидите вы ее больше совсем!

— То есть как это понять? — недоумевая, снова спросил уса́тый солдат и придвинулся к крыльцу ближе, испуганно раскрыл рот.

Теперь тревога пробежала по лицам остальных пленных, все вытянули шеи и в напряженном молчании уставились в лицо есаула.

Он сделался вдруг серьезным и продолжал:

— Я вам, братцы, сейчас поясню, в чем тут дело. Среди вас, пленных, завелись политиканы. Несомненно, они подкуплены японцами. Эти политиканы распространяют разные вредные

книжки, которые издаются на средства наших врагов и внушают вам пакостные мысли, что не надо царя, правительства, религии. Для чего это делается? Чтобы посеять среди православного народа смуту, всеобщую резню, анархию. А в России, как вам уже известно, и без вас творится бог знает что — всюду идут беспорядки, бунты. Кто из вас поумнее, тот сразу сообразит, что из этого должно получиться. Разве царю неизвестно, что политики, эти продажные твари, развратили вас совсем? А раз так, то неужели он, по вашему мнению, настолько глуп, чтобы заплатить японцам деньги и вывезти вас на свою голову? Ведь никто не стал бы выручать своих врагов из бедственного положения, зная заранее, что, кроме вреда, от них ничего не получишь. Нет, не бывать вам на родине! Вы пропадете здесь.

Казачий офицер попал в точку. Его доказательства показались настолько убедительными, что большинство не сомневалось в их правдивости. И на самом деле, ведь есть же какая-нибудь причина, что после заключения мира так долго не отправляют пленных в Россию.

Кто-то из матросов крикнул:

— Нашли, дурачье, кого слушать! Брешет он!

Пленные, волнуясь, загалдели.

Есаул, выждав момент, возвысил голос:

— Это я-то, казачий офицер, верный слуга отечества, и вдруг — брешу? Если хотите знать, я три раза был ранен на фронте.

Ему, вероятно, впервые пришлось услышать от нижнего чина дерзкие слова обиды. Потрясенный, он как-то странно задергал головой. Неожиданно для всех он заплакал, а потом снял свою фуражку и, показывая на седеющие волосы, начал выкрикивать с какой-то внутренней болью:

— Если вы мне не верите, то поверьте моим седым волосам, что я правду вам говорю. У каждого из вас есть мать. Что может быть дороже имени матери? Я клянусь именем матери своей, что ваши кости будут зарыты в японской земле. Я говорю это только потому, что мне искренне жаль вас.

Казалось, охваченный предательским вдохновением, он сам верил в то, что говорил. Это произвело на солдат потрясающее впечатление. В особенности встревожились запасные. У каждо-

го из них постоянные думы о далеком доме и о покинутой семье давно изглодали сердце. Послышались возгласы, раздраженные и тоскливые:

- Ах, мерзавцы! Ах, политиканы! Что они с нами сделали!
- А у меня дома дети остались...
- Пропала для нас родина...

Момент для возражения офицеру был пропущен. Каждое слово с нашей стороны могло бы вызвать у солдат взрывы негодования. Растравленные и на время ослепленные, они готовы были сейчас же обрушить свою месть на кого угодно — и за пережитую боль разлуки с родными, и за все невзгоды, и за тяготы удлинившегося плена.

Кто-то из пленных в отчаянии завопил:

- Ваше высокоблагородие, что же теперь нам делать?

На это немедленно последовал ответ, холодный и суровый, как металлический лязг ружейного затвора.

— Надо хорошенько проучить этих политиканов. А потом царю-батюшке прошение напишите. Может быть, он смилуется над вами и простит вас.

Офицеры исчезли, но мысль, брошенная ими, как ночная зловеющая птица, перелетала из одного барака в другой, внося брожение в среду пленных.

На следующий день, после завтрака, к бараку № 2, в котором я жил, начали подходить солдаты. Когда их собралось несколько десятков, они потребовали на расправу меня и ближайшего моего помощника, минера с ослябской команды Константина Степановича Болтышева. В бараке жило сто пятьдесят матросов, и мы легко отбили нападающих. Но вообще в лагере сухопутных пленных было в два раза больше, чем моряков. Толпа быстро росла, увеличивалась, окружая наш барак со всех сторон. Некоторые солдаты вооружились топорами, взятыми из кухонь, другие — дрекольями и камнями. Раздавались выкрики:

- Новикова давай сюда!
- А еще Болтышева!
- Обоих этих злодеев на суд народный!

Перед этой грозной силой в нашем бараке один по одному начали исчезать матросы, пока не осталось двенадцать человек верных товарищей. Они сами себя обрекли на гибель. Что мы

могли поделаться против трехтысячной толпы! Я несколько раз пытался уговорить ее, но это было так же бесполезно, как бесполезно кричать в бурю на морские волны, лезущие на борт судна. Здесь была та же стихия. У дверей и у всех окон сгрудился народ, горланя на все лады. И чем дальше, тем сильнее бесновались эти люди, хмелея от своей собственной ярости. Мысли стыли от ужаса, когда я смотрел на их напряженно вздувшиеся лица, съехавшие набок рты, вывернутые глаза. Никаких сомнений не оставалось, что меня и моих товарищей не только убьют, но будут еще и издеваться над нашими трупами. Случайно выйти живым из цусимского ада и через несколько месяцев на далекой чужбине погибнуть от рук своих соотечественников, — что еще может быть несуразнее этого? Я понял тогда, быть может, в первый раз, что такое толпа. Совсем еще недавно я был для нее до некоторой степени вождем, она всячески приветствовала меня, а теперь она готовилась с неумолимой жестокостью меня растерзать, в надежде что этим она облегчит свою судьбу.

Через барак начали проходить солдаты, но никто из них не решился первым броситься на нас. Дело в том, что среди пленных распространились слухи, будто бы у нас имеются револьверы, бомбы, адские машины. Это на время нас спасло. На самом же деле мы были вооружены только японскими ножами, похожими на кинжалы. Каждый из нас под полой шинели, накинута на плечи, держал наготове такой нож.

Один солдат, проходя мимо, держал в правой руке бутылку с песком. По-видимому, он намеревался ударить ею меня по лбу, чтобы раскроить мне голову и сразу ослепить песком. Его расчеты были построены на том, что я с запорошенными глазами не сумею попасть в него из несуществующего револьвера. Но в последний момент он не решился на это и запустил бутылку издалека. Она попала в моего товарища Голубева и рассекла ему скулу.

Приближался конец.

Старшина барака, боцман гвардейского экипажа Василий Червоненко, с любезной таинственностью предупредил нас:

— Сейчас подожгут барак. Уже за жердью побежали. Вы сгорите живьем.

Барак был сделан из теса и покрыт сухой рисовой соломой. Он вспыхнет весь в несколько минут. Нам придется корчиться в огне.

От слов Червоненко на меня дохнуло средневековьем. Я вздрогнул, словно меня коснулось уже пламя костра. За пределами нашего жилья буйствовал неукротимый гомон трех тысяч человек, а в моем потрясенном сознании, в сокровенных тайниках его, словно комариная песня, жалко звучала фраза, слышанная мною сотни раз: «Глас народа — глас божий». Я переглянулся с Болтышевым. Это был здоровенный парень, широкоплечий, грудастый, черноголовый, с крепкими, как манильский трос, мускулами. Немного согнувшись, он принял напряженную позу и дышал тяжело и зло, а карие глаза его ушли под лоб и остро следили за всем из-под нахмуренных бровей, как из-под забора. Какое-то движение произошло в моих мозговых клетках, толкая меня на отчаянный шаг, и я сказал, обращаясь к Болтышеву:

— Костя, нам самим следует напасть на них.

Он как будто ждал моего предложения и с решимостью ответил:

— Да, я первый пойду.

С этим согласились остальные.

Болтышев двинулся к выходу. Мы последовали за ним. Пока мы шли к двери, мне казалось; что во всей вселенной ничего больше не осталось, кроме этой оравы людей, жаждавшей превратить нас в кровавое мясо. Что-то зоологическое проснулось и во мне, как будто я никогда не читал прекраснейших книг гениальных творений, призывавших к человеколюбию. Каждый мускул мой напрягся. Единственная мысль, холодная и ясная, как луч в морозное утро, пронизывала мозг — не промахнуться бы и ловчее нанести удар врагам. Как только Болтышев показался на крыльце, еще сильнее заколотились стадные выкрики, и сотни рук протянулись к нему словно за драгоценной добычей. И в этот решительный миг я отчетливо услышал, как чей-то голос необыкновенно высокой ноты, выделяясь из общего клокочущего рева толпы, взвился над человеческими головами и будто повис в воздухе.

— Зарезали! За-ре-за-ли!..

Передние ряды солдат дрогнули, на секунду смолкли. Я увидел искаженное лицо раненого, широко раскрытый рот, мелкие зубы и выпученные большие глаза, повисшие над щеками, как две мутные электрические лампочки. А затем запечатлелся Болтышев. Иступленный с лицом безумца, он высоко поднимал нож, обагренный кровью. Мы тоже, сбросив с плеч шинели, подняли ножи. И тут случилось то, чего мы не ожидали: трехтысячная толпа метнулась от нас в разные стороны. Охваченные паникой, солдаты бежали в даль по широкой улице, сшибая друг друга, кувыркаясь, бежали так, как будто они никогда не бывали на фронте... Некоторые, гонимые слепым страхом, полезли под крыльцо. Мы преследовали их недолго, а потом, опомнившись, увидели, что вокруг нас никого нет. Тогда и мы в свою очередь, все двенадцать человек, бросились из лагеря в город и бежали, путаясь по улицам, до тех пор, пока не арестовала нас полиция.

Мы были посажены в японскую тюрьму.

А через два дня я от японского переводчика узнал, что солдаты, озлобленные на меня, собрали все мои вещи, книги и чемодан с рукописями, все это вынесли из барака наружу и сожгли на костре.

Переводчик, рассказавший мне об этом, добавил, хитровато щуря черные глаза:

— Настоящая война была. С одной стороны — несколько раненых ножами, с другой — после вашего бегства двоих так изувечили, что едва ли будут живы.

Так погиб весь мой материал о Цусиме.

Я был настолько потрясен, что не спал целую неделю. Со мной начались припадки. Я с благодарностью вспоминаю японского доктора, который избавил меня от сумасшедшего дома.

Японцы, произведя дознание по нашему делу, пришли к заключению, что наше бегство было вынужденным, и хотели вернуть нас в лагерь. Но мы сами просили их задержать нас в тюрьме подольше. Недели две спустя они перевели нас в помещение, находившееся при одном госпитале. Здесь мы жили свободно, без караула. Могли ходить по городу. Из лагеря к нам приходили матросы. От них мы узнали, что после погрома многие солдаты раскаиваются в своих поступках. Кстати сказать, что такие погромы с жертвами, иногда большими,

прокатились по всем городам Японии, где только находились русские пленные.

Произошел раскол и в среде пленных офицеров: еще до объявления в России свобод, непосредственно после Цусимы, показавшей всю отсталость нашего флота и уродливость самодержавного строя, некоторые из них стали революционерами. К данному времени, когда среди нас произошло описываемое событие, число их значительно возросло. И вот в Кумамота приехали из другого города такие именно офицеры, главным образом флотские, с броненосца «Орел». Они устроили в нашем лагере митинг и объяснили пленным смысл царского манифеста о свободах.

— Вся Сибирская железная дорога находится в руках революционеров! — смело выкрикивал флотский офицер, окруженный слушателями в две тысячи человек. — Если только они узнают, что вы восстаете против свободы, то как они отнесутся к вам? Неужели вы думаете, что таких мракобесов, какими вы проявили себя, они повезут в Россию? Вам придется шагать через всю Сибирь пешком. Скажу больше, что еще до того, как вы тронетесь из Японии и будете переезжать во Владивосток на пароходах через море, революционные матросы выкинут вас за борт.

Теперь никто из пленных уже не сомневался, что в России действительно объявлена свобода. Иначе офицеры не стали бы так открыто выступать. Опять заахали солдаты. На этот раз начали избивать тех главарей, которые устроили погром против нас. А насчет нас из каждого барака поступило в японскую канцелярию прошение за подписью старшин. В них, в этих прошениях, говорилось, что мы первые люди на свете и что мы пострадали невинно, а потому мы немедленно должны быть возвращены в лагеря, за нашу неприкосновенность все ручаются.

Целый месяц мы прожили вне лагеря. Возвращаясь с товарищами в свой барак № 2, я не переставал испытывать страх перед толпой, изменчивой и капризной, как морской ветер. Пленные встретили нас очень торжественно — с красным флагом, с революционными песнями. Меня качали, выкрикивая «ура». Но, подбрасываемый вверх десятком здоровых рук, я покрывался